Государственное автономное общеобразовательное учреждение Тюменской области

Гимназия российской культуры

Проект по теме:

Тире как авторский знак в произведениях Владислава Петровича Крапивина (по повести «Тридцать три – нос утри» и «Переулок капитана Лухманова»)

Выполнила:

Ученица 9Б класса

Перевозкина В. И.

Преподаватель:

Малых Е. М.

Тюмень 2023

Содержание:

Введение.....3
Теоретическая часть.....4
Практическая часть. Изучение текста повестей.....6
Практическая часть. Таблица.....7
Заключение.....11
Список интернет-источников.....11
Приложение.....12

Введение

Владислав Крапивин – российский писатель, журналист, педагог, автор сценариев, лауреат престижных наград и премий. Родился Владислав Петрович Крапивин в Тюмени. Талант к сочинительству Крапивин открыл в себе с ранних лет.

Первая публикация Крапивина состоялась в 1960 году – его рассказ появился на страницах журнала «Уральский следопыт». Через два года была опубликована книга «Рейс “Ориона”», а вскоре публициста приняли в Союз писателей СССР. Почти пятьдесят лет своей жизни Владислав Петрович посвятил творчеству. За это время он написал огромное количество произведений, многие из которых были переведены на зарубежные языки. Он написал такие произведения, как «Мальчик со шпагой», «Бронзовый мальчик», «Острова и капитаны: Хронометр», «Дети синего фламинго».

Объектом своего исследования я выбрала повести «Тридцать три – нос утри» и «Переулок капитана Лухманова». В книге «Тридцать три – нос утри» рассказывается о человеке, который несмотря на многочисленные встречи с известными личностями, считает, что самые ценные воспоминания связаны с обычными людьми, повстречавшимися ему в детстве, а в «Переулке капитана Лухманова» повествуется о том, как переплетаются жизни современных подростков и подростков, живущих в послевоенное время; эта книга о том, как традиции старших, их нравственные ценности передаются новому поколению.

В произведении «Тридцать три – нос утри» я уже наблюдала использование тире не по правилам, а в качестве авторского знака, и при прочтении повести «Переулок капитана Лухманова» я заметила похожее использование тире как авторского знака, поэтому я решила сравнить два произведения с этой точки зрения.

Цель: Изучить и выявить особенности употребления тире в повестях Владислава Петровича Крапивина «Тридцать три – нос утри» и «Переулок капитана Лухманова».

Задачи:

1. Изучить историю возникновения тире, выявить основные функции в русском языке.

2. Проанализировать произведение В. П. Крапивина «Переулок капитана Лухманова».

3. Выявить характерные особенности применения тире как авторского знака в повести Владислава Петровича Крапивина «Тридцать три – нос утри».

4. Сравнить приемы употребления тире в этих повестях.

Объект исследования: повести Владислава Крапивина «Тридцать три – нос утри» и «Переулок капитана Лухманова».

Предмет исследования: использование тире.

Методы: теоретическое исследование (сбор информации, анализ, сравнение).

Теоретическая часть

Авторские знаки препинания – это особенности пунктуационного оформления текстов, носящие индивидуальный характер, присущий конкретному писателю, преимущественное использование одного из знаков.

Предложения с авторскими знаками препинания встречаются у каждого писателя. Это говорит об индивидуальном пунктуационном оформлении стиха, рассказа. Оно характерно для автора, базируется на применении одного, нескольких разделителей. Так же возможно сознательное отступление от регламента для создания особого художественного стиля. Необходимость объясняется интонационными, смысловыми характеристиками литературного очерка. Пунктуация, не закрепленная нормами, используется непосредственно создателем текста.

Авторская пунктуация, примеры которой можно найти у многих работников пера, стилистически значимая. Она отлична от современных тенденций расстановки знаков препинания, оформления разговорной речи. Главная цель – передача эмоционального строя с целью осмысления сути.

Нерегламентированная пунктуация не всегда объясняется контекстными требованиями. Иногда причина – выраженное пристрастие писателя к определенным литературным оборотам. Индивидуальная концепция – препинание является писательским слогом, особенность речи, которая подчеркивает его восприятие момента, ситуации.

Согласно правилам, для разделения простых предложений и однородных членов в обороте используется запятая. Фирменный стиль допускает замену многоточием, вопросом, восклицанием. Анализ ряда литературных шедевров указывает на наличие индивидуального способа применения системы пунктуации у большинства известных гениев.

В произведениях Владислава Крапивина чаще всего встречается нерегламентированное использование тире.

Тире (от фр. слова tirer — растягивать) является достаточно распространенным знаком препинания, употребляемым во многих языках. Первые упоминания о тире датируются XII веком, когда Бонкомпаньо да Синья, итальянский писатель, выступил с новым предложением о пунктуации. В новой системе предлагалось всего два элемента, одним из которых было тире.

Автор определил его функцию лишь как знака завершения предложения. Хотя по тем временам и это являлось немалым достижением. Некоторые исследователи склоны считать, что именно этот знак является родоначальником современного тире.

В XVIII веке Г. Р. Державин и Н. М. Карамзин стали настоятельно вводить в России употребление нового знака — тире. Некоторым это новшество не понравилось, его принимали с враждебностью, так как не видели в нем большой необходимости.

В современном русском языке тире — это знак препинания в виде длинной горизонтальной черты, который ставится в простом и сложном предложении с целью разделения его частей или выделения членов предложения и слов, не связанных с ними.

В русском языке тире обычно используют:

1. Между подлежащим и сказуемым в простом предложении

2. При обобщающем слове при перечислении однородных членов предложения

3. При несогласованных определениях

4. При приложениях

5. При уточняющих, поясняющих словах

6. При вводных и вставных конструкциях

7. В бессоюзных сложных предложениях

8. В союзных сложных предложениях

9. При оформлении прямой речи

Практическая часть
Изучение текста повестей

Для того, чтобы сделать вывод об использовании тире, как авторского знака, я обратилась к текстам повестей. Повесть «Тридцать три – нос утри» написана в 1998 году, а «Переулок капитана Лухманова» в 2013 году. В процессе анализа пунктуации произведений я выявляла общие и различающиеся принципы использования тире, чтобы сделать вывод о том, как изменилась пунктуация Владислава Крапивина за 15 лет.

Умение интерпретировать текст позволяет приобщиться к авторскому видению мира, совершенствовать духовную культуру человека. В процессе анализа художественного текста обычно главенствующее место отводится лексическим и стилистическим средствам, однако синтаксические и пунктуационные средства, выдвинувшиеся в современной литературе на первое место, играют не менее важную роль в создании экспрессивности текста, способствуют пониманию основной идеи произведения и авторского замысла. Автор программирует восприятие читателя, тщательно отбирая и комбинируя композиционные, графические и, в первую очередь, языковые средства.

В произведении «Тридцать три – нос утри» было больше тире авторской направленности, которые заставляют читателя останавливаться, обращать внимание на детали, заставляют читать более внимательно. В свою очередь в повести «Переулок капитана Лухманова» больше тире в неполных предложениях, и вообще в тексте этот знак препинания используется реже.

Завершив анализ текста повести, я выделила несколько групп синтаксически похожих и отличающихся случаев расстановки тире в двух произведениях и попыталась объяснить значение тире в каждой группе предложений. На основе полученных результатов мной была создана таблица.

Практическая часть
Таблица

Синтаксическая структура	Примеры	Смысл авторского знака
1. Тире в простом предложении	И вдруг – словно на деревенском дворе, где узнали о несчастье. Как досадливо сказала мама – «опять загремел в солдаты». (похоже на прямую речь) А тут – другая крайность. А тут – будто само собой! Клавдии, Андрею и Зинуле – тоже уже было невозможно скрывать свои писательские дела.	Создается эффект неожиданности
2. Тире в СПП	Почти – потому что однажды вожатая Валя подняла крик: узнала, что ее пионер Глеб Капитанов без спросу ходит к реке. Странное такое чувство – будто Глебка шагает впереди атакующего строя и в него вот-вот полетят пули. К ним прибиты были дополнительные дощечки (новые, желтые) – чтобы Глебкины голова и ноги не свешивались. Если уйти – это похоже будет на измену.	Выделяется смысл придаточной части предложения, его смысл ставится выше главной
3. Вводные слова	Винцент Аркадьевич великодушно вернул проигрыш хозяину – тем более, что все равно не курил. И – конечно же! – копию картины «Рыбачьи лодки нас побережье Сен-Мари».	Выделяется личное отношение главного героя к ситуации
4. Определения, отделенные от определяемого слова	Известно ведь, что жизнь у человека – полосатая. И весь этот отраженный мир, конечно же, был настоящий – крошечный двойник того мира, который вокруг. Ну, так это конструктор – знаменитый. Уши у него были, будто	Максимально выделяются качества

	круглые крылышки, шея – тонкая, с желобком, который зарос рыжеватым пухом. А дужки – длинные и гибкие. У Робин Гуда были друзья, и один из них – по прозвищу Малютка Джон. А читальный зал был просторный, одна его часть – закругленная, с высокими сводчатыми окнами. Классы-то рядом, да и вся школа – маленькая, одноэтажная. В халупе были кухня и комната – низкая, но просторная – с четырьмя кривыми окошками на две стороны.	
5. Отделенные от сказуемого обстоятельства	Один раз отец был ранен – осколком в плечо, один раз контужен. Прозвища в первый день лепили наскоро – сокращая фамилии. Он был ошарашен и подавлен – тем, как мгновенно и как непоправимо может разлететься на мелкие осколки целая Вселенная. Вовка еще раз погладил табурет – с уважением. Все кинулись к берегу – из деверей, из окон. Она тихонько звенела, и казалось, что звон этот – от жаркого солнечного света. Сперва-то он твердо решил, что отнесет – сразу, как вернется из лагеря. Винька порою даже разговаривал с ним – шепотом или просто мыслями. А очки прицепил на грудь – дужкой за перемычку между лямками. Немного вырученных денег она давала Никите – на	Выделяется образ действия, место, время

	кино и на автобус (техникум был далеко, в Заречной слободе). Он часто ездил в командировки – проверять, как идут дела в дальних северных угодьях. Винька визжал – в основном от мыла и слегка от смущенья. Керосиновая лампа тоже нашлась – на подоконнике.	
6. Однородные сказуемые, отделенные друг от друга	С грустью обвел взглядом женскую половину своего семейства и удалился – плотно прикрыл дверь кабинета и щелкнул замком. Локти он поставил на подоконник, а лицо его было скрыто кулаками и подзорной трубой, которую он в этих кулаках держал – приставил ее к глазу. Валька стояла – маленькая такая, щуплая.	Выделяется важность одного из сказуемых
7. Отделенные от существительного дополнения	Она тихонько звенела, и казалось, что звон этот – от жаркого солнечного света. Коллеги рассказ весьма одобрили – кроме директора института, который в образе кота Архипа усмотрел намек на себя. Он был ошарашен и подавлен – тем, как мгновенно и как непоправимо может разлететься на мелкие осколки целая Вселенная.	Смысловой акцент смещается на второстепенный предмет
8. Отделенные вставные конструкции	Вот... она рассказывает – (И дерг девчонку за руку!) – Была на берегу, значит, с маленьким братом, с Костюшкой двухлетним, да не углядела, тот в воду.	Выделяется важность информации

9. Отделенные сравнительныеобороты	Вовка вспрыгнул на плиту в метре от него – как воробушек. На ней то и дело болталось под ветром разноцветное белье – как морские флаги. В небе стояли белые облака – словно круглый пар от прокатившихся по синеве паровозов.	Добавляются краски, позволяющие ярче представлять картину
10. Отделенные от уточняемыхуточняющие члены предложения	Винька скользнул глазами от портфеля назад – по линии полета – и сразу понял, чей он. Слегка переваливалась, потому что правую ногу ставила криво – набок и носком внутрь.	Показывается значимость информации, на первый план выводятся второстепенные детали

Заключение

В письменной речи роль знаков препинания весьма существенна.

Смыслы и эмоции устной речи, которые передаются с помощью пауз, на письме фиксируются знаками препинания. Ориентируясь на них, читатель восстанавливает и воспроизводит интонацию говорящего.

Тире выполняет в предложении 3 функции: структурную, смысловую и экспрессивную. Придавая речи экспрессивность, тире передаёт динамичность, резкость, быстроту смены событий. Разрывая интонационную плавность фразы, оно создаёт эмоциональную напряжённость и остроту.

В повестях Владислава Крапивина «Тридцать три – нос утри» и «Переулок капитана Лухманова» можно выделить следующие смыслы тире:

1. Выделение смысла придаточной части предложения, его смысл ставится выше главной
2. Максимальное выделение качества
3. Выделение образа действия, места, времени
4. Выделение важности одного из сказуемых
5. Смещение смыслового акцента на второстепенный предмет
6. Выделение личного отношения главного героя к ситуации
7. Добавление красок, позволяющих ярче представлять картину

Однако в повести «Переулок капитана Лухманова» я выявила новые смыслы, которых нет в повести «Тридцать три – нос утри»:

1. Смещение смыслового акцента с основного действия на действие дополнительное

2. Перенос смыслового акцента на состояние героя

На основе выделенных смыслов можно сказать, что знаки препинания помогают пишущему точно и ясно выразить мысли и чувства, а читающему – глубже понять их и понять идею текста, а так же появление новых смыслов в проведении «Переулок капитана Лухманова» говорит о том, что спустя 15 лет авторский стиль Владислава Крапивина улучшился, автор делает больше смысловых акцентов при помощи тире.

Список интернет-источников

1. http://www.microanswers.ru/
2. https://booksonline.com.ua/

3. https://russkiiyazyk.ru/
4. https://bingoschool.ru/manual/avtorskie-znaki-prepinaniya-chto-eto-kakie-byivayut-primeryi-predlozhenij/
5. https://www.yaklass.ru/p/russky-yazik/11-klass/o-znakakh-prepinaniia-10914/osobye-sluchai-punktuatcii-10947/re-e74da4d3-c90a-460c-934c-aca3e72ed29d
6. https://obrazovanie-gid.ru/pereskazy1/istoriya-vozniknoveniya-tire-v-russkom-yazyke-kratko.html
7. https://daningrad.ru/pereulok-kapitana-luhmanova

Приложение

Предложения с тире из произведения «Переулок капитана Лухманова»

Сразу видно — король.

Костик подумал, что у него в подставке, наверно, есть грузик — для устойчивости.

Победитель — тот, кто сделает самое большое число ударов и дольше всех удержит жоску в воздухе, не уронив.

Хорошая жоска — вещь ценная, сделать ее непросто.

Ну сказано же — не храбрец.

И никто уже не вякнет, что Удальцов — «тихая рыбешка»…

Там валялись меховые домашние туфли — «шубенки

С удовольствием дунул на них — жоска зашевелила пушистыми «лапами», как медуза.

В самый раз — по размеру и по весу.

В сумку нельзя: тетя Эля наверняка полезет в нее — проверять, не забыл ли он положить все учебники и тетради.

Увидит жоску — ох что будет!

Костик в последний миг догадался — сунул жоску в просторное, как ведерко, голенище.

Станешь переодевать — увидит жоску!

Людмила Григорьевна была еще одна бабушка — мамина мама.

А Эльза Яковлевна — папина.

На школьном дворе, между поленницей и длинным сараем, собрался десяток ребят из разных классов — четвертого, пятого, шестого.

За ним — те, кто решительней и нахальнее.

Казалось, что Дутик не уронит ее никогда — будет посапывать и бить, бить, бить…

Жоску снисходительно кинули ему, хотя понимали, что здесь глядеть будет не на что, — на то он и Удалец.

Стукнет пару раз — и в сторону. Лучше бы уж не лез, «тихая рыбка»…

Ведь в голенище лежала его собственная жоска — та, которую он смастерил недавно с такой любовью!

Только вместо сапожек были на незнакомце разношенные брезентовые ботинки, а военные пуговицы — не со звездами, а с якорями

Скоро выяснилось, что он — «человек из цирка».

Местный цирк выступал в родном городе только в теплое время — где-то с мая по октябрь.

Валькин отец был хорошим специалистом — по профессии лекальщик.

А еще учли, что в городе Турени есть у Максима Тарасовича Федорчука родственники — будет где приткнуться в неуютное военное время.

Родственниками были старший брат Максима Тарасовича Юрий и двоюродная тетка Анна Степановна — тетя Анюта, суровая на вид старуха.

А еще у него имелось прозвище — Бомбовоз.

Ведь ребята не в игрушки играли — они делали корпуса для противотанковых мин.

Оказалось, что этот Чижов — член фронтовой бригады, хотя вписался в нее не совсем законным путем: жил он далеко от комбината, учился в городской, а не в заречной школе.

И Валерка (по большому секрету) рассказал, что с комбината надо срочно вывозить продукцию — корпуса мин, которые называются ЯМ-5, — и на станцию Тура подгонят состав.

Вот ребята и придумали — устроить переправу минных корпусов на санках.

У такого костра заметил первоклассника Рамазанова мужчина в новом полушубке, барашковой ушанке и белых бурках — сразу видно, что начальник.

Она сказала, что значок — это правительственная награда, почти как медаль.

Весной там — будто морской пролив.

А если кому скажешь, в ответ сразу: «Ха-ха-ха, моряк — мокрые штаны!..»

Чук и Костик вытащили из карманов куски сосновой коры — припасли заранее.

Мачты смастерили из лучинок — их принес с собой запасливый Бомбовоз.

И капитаны их — тоже…

Мартовский ветер был добрым, солнце — теплым, облака в высоте — выпуклыми, как паруса фрегатов.

Устроились кто в оконных проемах, кто напротив — на лежавшем вдоль фундамента гнилом столбе.

Нижняя часть — просто мачта, вторая — стеньга, третья — брам-стеньга, а четвертая — бом-брам-стеньга…

Бывает еще трюм-стеньга, но редко…

А «бом-брам» — это такое морское выражение, которое, по-моему, годится.

«Бом» — сам пароль, а «брам» — отзыв…

А плавания сосновых суденышек в луже заброшенного переулка — путешествия к дальним берегам.

И есть у них тайный капитан — старый морской волк Дмитрий Афанасьевич Лухманов.

Конечно, была надежда на летние ливни, но все понимали, что лужа не станет прежней — синей и морской.

Позади осталось детство Мити Лухманова, началась его матросская юность — с дальними рейсами, штормами, крушениями и безработицей…

Капитан будто бы жил рядом — и вдруг его не стало…

У Костика это была «Победа» с капитанской рубкой из кубика сосновой коры, у Чука — «Дункан» с двумя парусами — гротом и марселем, у Вадика — похожий на крохотную

скрипку «Аккорд», у Бомбовоза — крутобокая «Аврора», у Бамбука — легонькая «Ласточка»…

Потом опять сошлись вместе — на крыльце у Саранцевых.

Потом букву «Е» — чуть поменьше.

Это был талисман тэковцев — книга, которую не только сочинил, но и когда-то держал в собственных руках капитан Лухманов.

Все, кто хоть раз побывал здесь в те времена, запоминали, что это — переулок Капитана Лухманова.

Мы потом сделаем другие, но у этих — последний парад.

Ноги путались в жестких стеблях, у Костика башмак застрял в чем-то твердом — не сдвинешь с места.

Казалось бы, не так уж много смешного, но хохот стоял — под самый купол.

Никто не сомневался и в том, что, если надо, Чук сумеет показать такую же ловкость и в драке: как изогнется, как впилит недругу локтем или пяткой — тот закачается…

А еще — свернутое треугольником письмо.

Так вот и оказался Валька Федорчук в родном городе — разрушенном, голодном, но родном.

В самом деле: выскочишь на улицу — и перехватывает дыхание!

Валяться в постели — это слабость характера.

К тому же пятиклассник Матвей Рощин обещал принести своему учителю Брагичу книжку «Побежденный Карабас» — продолжение «Золотого ключика».

То есть не самому Брагичу, а его сыну — лопоухому первокласснику, по прозвищу Крылатый Эльф.

До школы — полтора квартала. А точнее, сто девяносто шесть Матвеевых шагов.

Лишь косо глянул на мальчишку охранник дядя Игорь, да за дверью химического кабинета на втором этаже слышались голоса — там занимались десятиклассники.

Я — это понятно: по долгу службы, Крылатый Эльф — из-за нежелания сидеть дома в одиночестве, а ты?

Кстати, Крылатым звали его именно за эти уши — большущие и треугольные, как у настоящего эльфа из кино про Средиземье.

Шевельнет головой — и пятнышки цвета спелого овса на миг отражают свет.

Я такая растяпа — всегда забываю зарядить…

Но все же, пока бежали к воротам, ноги успели заледенеть — не только у Маши, но и у Матвея.

А потом — на второй этаж, по лестнице с пузатыми столбиками рассохшихся перил… Ключ — в скважину.

Обитую стеганым войлоком дверь — на себя!

А левая нога — сырая чуть не до колена.

Да и симпатичности у него — одни лишь веснушки.

Они, кстати, совсем теперь не видны — растворились в свете желтого плафона…

Они стали мокрыми, заискрились, и — вот забавно! — на них, так же, как на щеках, мелькнули чешуйки овсяного света.

А Даньке не давал, издевался даже: «Руки — как соломинки, уронишь бинокль на ногу, она раздавится, а мне отвечать…»

Если выспоришь — будет твой…

А если сострижешь, бинокль — твоя добыча…

В драке главное — не бояться. Сцепи зубы, размахивай посильнее кулаками — противник и не выдержит…

А ты будешь их складывать в коробку — те, которые не разбились.

И так он поступал со всеми игрушками, которые висели вверху, — шарами, корабликами, клоунами, лягушатами…

Все-таки грустное это дело — снимать наряд с елки…

«Мастик» — от слова «мастер», «пластик» — потому что лепил из пластилина и каких-то специальных, быстро твердеющих составов.

Однажды сделал для Дня искусств статуэтку школьного директора Льва Сергеевича — сутулого, с носом-огурцом и уж-жасно грозными бровями.

Ходит человек, ничего не чувствует, а потом раз — и с ног долой…

Был бы сын олигарха — другое дело…

Только нужно в десять раз больше — для пересадки костного мозга…

Сперва думали — обморок.

Одно хорошо — теперь уж никакая «Опека» его не заберет…

А у Мира всяких побед — целая куча…

Зато разрешала Маку оставаться у Мира в палате на полдня — с утра до обеда или с обеда до вечера.

Экипаж «Коровки» удивлялся земным обычаям и чуть не вляпался в большую беду, но им помогли двое первоклассников — девочка Мика и ее влюбленный друг, по прозвищу Пушкин.

Был еще сосед, слесарь дядя Женя, но он целыми днями пропадал в палатах у приятелей, а Виктор Ильич — всегда тут как тут.

Он тут же получил от Мира хлопок по темени — за нескромность, — повалил его носом в подушку и начал крутить уши.

И еще — что в ту пору был у него сын-мальчишка Волик.

На тринадцатой странице был снимок мальчишки — в берете, тельняшке, белых штанах до колен, улыбчивого, босого.

А этот — был.

Если вдруг станешь литературоведом или историком — готовая тема для докторской диссертации…

Не было бы времени обдумать много всего — от живой сути космических телескопов до бессмертия человеческих душ.

Оказалось — не зря.

И он авторучкой нарисовал на последней странице с надписью: «Содержание» значок размером с ноготь — овал с поперечинкой.

Понимаешь, она вовсе не приключенческая, местами даже скучноватая, но читаешь — и кажется, будто она сама оттуда… ну с барка «Товарищ».

Она запрыгала на скрипучем полу — видимо, натягивала свою высохшую амуницию.

Он появился через двадцать — слегка застрял перед могучей наледью, оставшейся от недавнего фонтана.

Гостя наперебой заверили, что убежище именно здесь и дочь — тоже.

Тетрадка так и называлась — «Про все на свете».

Красиво пишешь — правильно думаешь, точно излагаешь то, что хочешь сказать…

Станете постарше — прочитаете повесть Гоголя «Шинель» про несчастного, но очень доброго человека, которого звали Акакий Акакиевич.

Получалось в самом деле красиво — с изящным наклоном, плавными нажимами в середине букв и завитушками.

И что расстаемся мы — не беда.

Главное — сама процедура письма.

Он вообще редко спорил с братом, потому что знал: тот умнее и опытнее в жизни, а главное — любил брата спокойно и преданно.

Деньги ему не нужны — ему нужна сама по себе наука, но ведь он мог отдать этот миллион в медицину.

Там восьмиклассник — и Мир тоже.

Да Мир за себя-то не боится — он за маму, поэтому и не спорит с ней. Она с виду всегда спокойная, а нервы — как у него.

С тротуара дом казался небольшим — приземистый, в три окошка.

Маша вынула из кармана куртки ключ — под стать замку.

Они зажгли три длинные белые свечи — по одной для себя и еще запасную.

Кораблик держался на аккуратной подставочке — то ли приклеенной, то ли просто присохшей.

Маку стало страшновато — теперь уже за себя.

Там уверенные советские следователи говорили такие слова хлипким зарубежным агентам и попавшимся членам преступных группировок — тем, кто пытался что-то лепетать и выяснять для своей пользы.

Лампочка высветила белки Константина Петровича — желтоватые, с тонкими прожилками.

Константин Петрович включил двигатель — видимо, для прогрева.

И подумал, что кораблик — это, возможно, тоже судьба.

Ну понадобился начальству новый театр — стройте на здоровье.

Хорошо, что редактор — мой одноклассник…

Поверх книг — несколько пожухлых афиш, фотографии и написанный масляными красками портрет грузного дядьки в средневековом костюме.

Друзья так и звали — Дядюшка Лир или просто Лир.

Казалось, что от кактусов, которые «толпились» на подоконниках — большие и маленькие, разных форм.

В стеллажи был вделан широкий шкаф музейного вида — с завитушками и резными театральными масками на дверцах.

На краю правой дверцы — застекленный снимок.

Он был в черной фуражке с матерчатым козырьком. На козырьке виднелась каемка из вышитых листиков, а на околыше — обрамленные ветками якорь и герб — командирский знак отличия Морфлота.

Вадик Саранцев своим ФЭДом переснял из журнала — кажется, из «Огонька» — в сорок шестом году.

Один — в разлапистых ботинках, другой — в валенках с большущими калошами, двое — в разношенных кирзовых сапогах, которые казались чересчур тяжелыми на тонких ногах в штопаных чулках.

Мак внутренне поежился, представив, как цапал холод за беззащитные места, — на улице, судя по всему, была ранняя весна, у поленницы виднелись гребешки ноздреватого снега.

Ботинки — новенькие, а фуражка — с клапанами.

Рядом сидел почти такой же мальчишка — тоже в пилотке, такой же остролицый, в таких же «обувках».

Одна, мамина мама, — обычная баба Люся с добродушным нравом, а вторая, мать отца, — этакая утонченная особа со столичными манерами.

Но в ответ услышала, что «мальчики поступили вполне закономерно, потому что ябедничество — большой грех».

А когда узнали про бабушкины меры — еще больше.

Один капитан — Дмитрий Лухманов, другой — Мирослав Рощин.

А Мир — самый подходящий.

На двух флагштоках — на конце бушприта и на корме — большие флаги.

Придет Мир — скажет точно, он лучше разбирается…

Вот унесу кораблик — и не будет никакого подарка…

Она во время Русско-японской войны — это когда Порт-Артур и Цусима — была там на фронте сестрой милосердия и корреспондентом.

Ну, если, скажем, на старости лет, когда все плавания позади, — это можно понять.

На переплете было косо оттиснуто название — какое, не разберешь.

А капитан Лухманов смотрел на всех с фотографии — нахмуренно, однако похоже, что со скрытой хитринкой в глазах.

Переплел, сделал книжные экземпляры для всех тэковцев — каждому, когда мы однажды собрались, чтобы вспомнить детство.

Одно дело — просто читать рассказы капитана, а другое — знать, что он тоже строил кораблики.

Мачта — шестнадцать метров, балластный фальшкиль — четыре тонны, водоизмещение — десять тонн.

Ну, его и дочь где-то через год выпустили, а сын — он был военный, разведчик — так и погиб в застенках.

Потому что одно дело — энкавэдэшные садисты, а другое — страна.

Сейчас на парусниках куча спасательных средств, медики, а с берегом — мобильная связь…

Наверно, никогда не узнаем — каким.

Ну да, история с надписью в осеннем парке — это ведь тоже защита…

На него как глянешь — сразу видно, что моряк с солью в каждой жилке.

Ты не стесняйся, в твоих слезах — облегчение.

Город мы с ребятами исходили вдоль и поперек — и улицы, и причалы, и батареи…

На ресницах — радуги от влаги.

В малом зале дворца — с круглым столом и рядами мягких стульев у стен — собрались человек семьдесят.

Ребята пришли разные — от второклассников до рослых парней и девиц.

И даже возникли несколько учителей — знакомых и незнакомых.

Он был славный парень, хотя с виду нескладный — высокий и тощий, с блестящими залысинами и в большущих очках-иллюминаторах.

С Мирославом его связывало давнее знакомство: Лонг Джон не раз устраивал Миру выступления — и «гитарные», и «корабельные».

Возник на экране портрет хмурого человека в морской фуражке — тот же, что в комнате Дядюшки Лира, только громадный.

Про них даже песенка написана — из старого радиоспектакля «Паруса Александра Грина».

Чувство такое — не-береговое…

Но не сильно — почти сразу примолкли с новым ожиданием.

Она встала рядом с Миром — тощая, нескладная, с виноватыми блестящими глазками и розовым лицом.

Потому что впервые ощутил себя на месте мамы — с ее слезами и страхом.

Потому что очень привлекала Ивана палеонтология — наука об ископаемых ящерах, живших миллионы лет назад.

Может, он написал бы хорошие книжки и тогда, когда выбрал бы морскую дорогу, но не было бы ни «Туманности Андромеды», ни «На краю Ойкумены», потому что темы этих книг — для ученых…

Его бы, конечно, со мной не пустили, а бросать его одного — это предательство.

Чистить кастрюлю и ждать маму — это не зависит друг от друга.

Мне надо совсем немного — кусок хлеба и чистый воротничок…

Игорь тоже не щупленький, упитанный, круглощекий, но перед мамашей — букашка.

Выступал иногда на концертах с малоизвестными группами или играл в ресторанах — в не самых модных.

На завтрак можно заварить «Доширак», на обед — сухие щи из пакета, а вечером перекусить в забегаловке, где играешь.

И даже пакетик с солью взял с собой — для вкуса.

Сперва показалось — пацан.

И еще понял — нет, не мальчишка.

Потому что белые босоножки были явно девчоночьи, а в свободном вырезе футболки блестели бирюзовые бусы — пацаны такие не носят.

Игоря — крепкий, как железный шкаф, мент с лейтенантскими погонами и дубинкой на поясе, девочку — не менее крепкая тетка в полицейской форме.

Потом его отвлек другой телефон — зазвонил на столе.

К отделению подкатил «лексус» стального цвета — известная многим в городе машина мадам Густорожской.

Нет, орудие, которое смастерили за две недели в гараже у Шурика, получилось мощное, однако заряды из бумажных квадратиков разлетались сразу после выстрела — от встречного воздуха.

По-моему, всё на свете — живое.

Одни говорят, ее создал Бог, другие говорят — природа.

Главный признак — тот, что им наплевать на других людей…

Значит, с Огоньком — не безнадежно.

Когда накаляется политическая обстановка — я к отцу…

Прочность всякой конструкции — снаружи.

А сходил в туалет — вся сила долой.

Игорь вдруг хихикнул про себя — вспомнил стихи лопоухого первоклассника про пещеру и горшок.

Я уже говорил, прочность любой конструкции — и живой, и механической — снаружи.

У людей, и у зверей, и у рыб — это кости и мышцы.

У заводских труб — в их стенах.

Но от другой печальной темы не уйдешь — от смерти Тимофея Данилыча Яшина.

Мир пропел первый куплет — о «камнях и солнце Херсонеса», а в припеве вступила Маша.

В углу экрана возник небольшой прямоугольник — дисплей обратной связи.

Глянул внимательно — по очереди на все троих.

Камера теперь показывала его от головы до пояса — высокого, худого, с прямыми строгими бровями.

И — даже мурашки по спине.

Ребята многого еще не знают. Придет время — все покажу и объясню…

Поднимались в небо два решетчатых крана — больших, но каких-то очень уж неподвижных.

А теперь — увы…

Справа тянулась другая стена — с провалами оконных проемов.

За провалами были уходящие вниз кусты с торчащими среди них застывшими кленами, а дальше — река со вмерзшими в лед баржами.

На этом берегу придумывали сказки — такие, что Стивенсон и Купер усохли бы от зависти…

Самый большой якорь — метра четыре длиной…

Но для беспокойства — были.

Только не станет ли сейчас мамино беспокойство сильнее прежнего от мысли, что кто-то играет Миркиной судьбой, как бильярдными шарами, — то туда, то обратно, то так, то иначе?..

Его бы, конечно, со мной не пустили, а бросать его одного — это предательство».

«Значит, вчера — предательство, а сегодня — радость?

Я же сказал: когда придет — позвоню…

Но на улице хватилась — деньги из сумки украли вместе с телефоном.

На фоне сизых облаков и раздутых парусов была и надпись — витиеватыми старинными буквами.

Оттиснулась буква «Фита», а внутри ее — буковки «ТЭК».

Они с однокурсником проходили по бульвару, там какой-то митинг шел, они остановились послушать, сзади менты с дубинками — ни с того ни с сего…

Дело студентов — сидеть над книгами, а не якшаться со склочной оппозицией!..

На квадратике — белая береговая крепость и надпись: СЕВАСТОПОЛЬ.

Мак, Эльф и Данька Заборов дважды бегали к плотам, а потом сидели в школьной мастерской и выстругивали из коры остроносые корабельные корпуса — для тех, кто не умел делать сам.

А паруса — из тетрадных листиков.

А еще был у них помощник — Данька. Никто их не выбирал и не назначал, но никто и не спорил против их командирства.

Они знали и умели больше других, а главное — никого не прогоняли, всем помогали.

Иногда на колокольне звонили колокола, но это лишь добавляло торжественности, словно звон — в честь парусов…

Маша подумала — и тоже.

Десятка три самого пестрого народа — шумного и достаточно бестолкового.

Оказалось, что «яхтсменов» — человек тридцать.

Появился и «официальный представитель прессы» — тощая девица с резкими движениями и большим фотоаппаратом.

Только не следует подталкивать вперед — это не по правилам.

Данька Заборов послал в плавание два кораблика — собственный и Огонька.

Для крохотных самодельных парусников — самая подходящая дистанция.

Потом, через несколько минут, кораблики один за другим пересекали финиш — воображаемую линию между торчащими на берегу вехами.

Слегка утомленные участники расхватали кораблики, выстроились вдоль воды — спиной к разрушенному дому, лицом к стене, на которой высоко чернело якорное колечко.

Мир еще раз объяснил, что победителями считаются все — в награду за храброе участие.

Потому что Огонек не знал третьеклассника Богдана Заборова: тот появился, когда Федя давно уже лежал в клиниках — то в московской, то в германской.

Даньке казалось, что если бы он встретился с Огоньком, то они стали бы друзьями — такими же, как с Крылатым Эльфом.

Гораздо позже, в начале лета, брат Мака Рощина — Мирослав объяснил, что здесь сработало квантовое сцепление.

Но сейчас каникулы — кто будет «заваливать»?

А одно письмо — это в самый раз…

Здесь, казалось бы, надо застесняться, потому что предложение дружбы — это почти что объяснение в любви.

Я и про свой-то не знаю — забыл.

Ой, нет, первое у Маринки — это все знают…

Тот, кто начинает, должен сказать «бом», а тот, кто отвечает — «брам».

Почтой — это долго!

А сосновый кораблик — велика ли радость?

Квантовое сцепление — это совсем другой закон.

И прозвище «торпедоносцы» — от тех же катеров, которые в конце фильма с торжествующим ревом моторов мчатся в атаку на врага.

И на борту у каждого — имя одного из героев фильма.

А помощь Огоньку требовалась — это знали все.

Пожилая и утомленная общим идиотизмом педагогической жизни — всеми этими ЕГЭ, экспериментальными программами, министерскими проверками, отчетами, проблемами новой школьной формы и нехваткой учителей, — она «катила» свою должность по инерции и мечтала о пенсии, когда можно будет копать грядки на даче и нянчить внуков.

Уж не думаете ли вы, что лозунг на заборе — его рук дело?

Русской — четвертушка, не больше. Ну так что? Пушкин был на четверть арап, Лермонтов — потомок шведских дворян. Фонвизин — немец, Паустовский — украинец, поляк и турок по линии своих дедов и бабок…

Потом — осенью и зимой — не раз проходили собрания и концерты, чтобы помочь Феде Огонькову.

У Матвея Рощина и Маши Чешуйкиной появилась привычка — возвращаться из школы длинным путем, вдоль реки.

А с тобой у нас такая дружба, которой все равно — мальчишки или девчонки.

Но встречи были такие: «Привет…» — «Привет…».

Зато первоклассник Ибрагимов был самостоятельный, рассудительный и решительный, а Данька Заборов — смирный и, можно сказать, безответный.

Пожилая учительница Ольга Петровна сумела еще в начале учебного года объяснить «своему народу», что приставать к тем, кто боязливее и слабее, — совершенно нечестное дело.

А первоклассник Эльдар Ибрагимов — тот вообще никогда никого не боялся.

А остальные — в санитарный костер.

Зато узнали пятиклассники Брагича — увидели, как роняет слезы Анна Константиновна.

Главное было — разведать, куда повезли книги.

Состоялся ли педсовет — неизвестно.

Школьникам в параде участвовать почему-то не полагалось, но зато решено было устроить для них специальный праздник — провести на стадионе «Железнодорожник» конкурс юнармейских подразделений.

Пионеров давно уже не было в природе (по крайней мере, в этом городе), и многие даже не помнили, кто это такие, но барабаны — вот они! — были.

Опять же — ура!

Было решено, что на параде впереди колонны пойдет дюжина барабанщиков — две шеренги по шесть человек.

Но для отбора не было времени, и к тому же бить в барабаны и знать таблицу умножения — это разные вещи.

Их кое-как уговорили, что барабанщики — это все-таки прежде всего мальчишечья, «военнообязанная» должность.

Так они девятого числа и промаршировали по стадиону — бодро стуча незагорелыми ногами по беговой полосе, с торчащими острыми локтями, радостные и взъерошенные.

И ветеранши — пожилые тетеньки в беретах с кокардами

Но там они были «просто так», а здесь — награда.

И на следующий день появился в «мультяшной» одёжке — в прошлогоднем костюмчике с вышитыми на рубашке гномами из фильма про Белоснежку.

С одной стороны — золотое буйство одуванчиков, с другой — синева раздувшейся от половодья реки.

Видимо, он неподалеку занимался любимым делом — пускал с обрыва голубей.

Через несколько секунд пожелтели и они — будто напечатанные на принтере апельсиновой краской.

Никто не брал всерьез, что эти свойства — признак мыслящих существ — и землян, и обитателей других миров.

Но… вот ведь якорные колечки с перекладинками — они откуда?

Одно дело выстругать кораблик, а другое — межгалактический корабль.

Получился звездолет очень даже славный — диск диаметром три метра с капитанской рубкой посередине, не тяжелый.

Не потому, что вид потрепанный, а потому, что смотрел непонятно — со смесью дерзости и боязливости.

У мальчика на плече висела холщовая сумка с черным рисунком — парусник времен Магеллана.

А вверху — имя автора: «ДМИТРІЙ ЛУХМАНОВЪ».

Сипловато согласился — то ли с ухмылкой, то ли с недовольством.

А как товар — нельзя.

А вторая — у него…

Шиповник вложил одну половинку в ладони Эльке, другую — Даньке.

Среди кустов стоял желтый лакированный крест — без всяких слов.

Егоров, будешь болтать — позвоню родителям…

А рассказы и пьеса про любовь — так себе.

Маша ткнула концом стебля у локтевого сгиба — на коже осталась аккуратная буква «О».

А моя — на веки вечные.

Но есть еще один эпизод — он просится в отдельную главу.

Их можно было смыть, но с немалым трудом — едким дегтярным мылом и капроновой мочалкой.

И никто сначала не знал, что водой и мылом золотистые колечки с перекладинками смываются неохотно, а вот слезинками — быстро.

Данька не стал отпираться — кивнул.

Некоторые историки на него «катили бочку»: мол, иностранец, не понимал душу русского солдата, а вот Кутузов — это да!

И сравнивать настоящего Барклая с каким-то ОБЖ — просто свинство…

Эти стрелки должны были участвовать в межшкольных соревнованиях «Зарница», которые планировалось провести в середине июня — по программе летних школьных лагерей.

И так — множество раз.

Но его ухватили за локти Витька Терехов и еще один «снайпер» — пухлый и пыхтящий от усердия.

Не могу, потому что кажется — если попаду в нарисованного, где-то погибнет настоящий.

Непонятно какой — плохой или хороший, мы ведь не знаем…

Его приятели-первоклассники несли на плечах резиновых гномов — надутых, большущих и улыбчивых.

Потому что школы разные, а экипаж один — ТЭК.

И переулок просматривается почти полностью — с моего балкона и с Данькиного.

А они — Миру!

Мы покосим травка — будет красиво.

Нам велели — мы делаем.

Бригадир вытащил мобильник и начал кричать в него — тонко и неразборчиво.

Потому что, увесисто шагая среди ребят, двигался к «театру» старший лейтенант полиции — рослый, уверенный, крепкий.

Предложения с тире из повести «Тридцать три – нос утри»

Седой, высокий и грузный – во всю широту и высоту двери – Винцент Аркадьевич возник на пороге.

С грустью обвел взглядом женскую половину своего семейства и удалился – плотно прикрыл дверь кабинета и щелкнул замком.

Потом Винцент Аркадьевич приласкал взглядом укрепленную на треноге “бандуру”, но подавил в себе желание устроиться перед ней на табурете – работа прежде всего, даже если ты на пенсии.

Правда под псевдонимом – на этом настоял Винцент Аркадьевич.

Винцент Аркадьевич великодушно вернул проигрыш хозяину – тем более, что все равно не курил.

Коллеги рассказ весьма одобрили – кроме директора института, который в образе кота Архипа усмотрел намек на себя.

Клавдии, Андрею и Зинуле – тоже: теперь уже было невозможно скрывать свои писательские дела.

А теперь – хватит.

И теперь – не мастер и не поэт.

Известно ведь, что жизнь у человека – полосатая.

Бывают солнечные моменты, а бывают – наоборот, как сумрачные тени.

Вверху чистого листа Винцент Аркадьевич начертал название мемуаров, а под ним – заголовок первой главы: “Елочный шарик”.

А самым ярким воспоминанием той поры был зеркальный шарик – его собирались повесить на пушистую пахучую елку.

И в нем – размером с небольшое яблоко – отражалось все-все!

И весь этот отраженный мир, конечно же, был настоящий – крошечный двойник того мира, который вокруг.

И что он – мальчик Винька – маленькая, но неотрывная частичка этого мира.

Он был ошарашен и подавлен – тем, как мгновенно и как непоправимо может разлететься на мелкие осколки целая Вселенная.

Винька не знал такого слова – “Вселенная” – но чувствовал именно так.

Другая сторона улицы была одноэтажная – с бревенчатыми домами, палисадниками и лавочками у калиток.

А если в трубу, насыпь – вот она.

Лицо у Лавочкина было скуластое, нос вздернутый, с двумя аккуратными дырками, толстогубый рот – приоткрыт.

Ну, так это конструктор – знаменитый.

А наш-то Лавочкин просто “Вовка – не боли головка”.

И почему-то все время вспомингался тепловоз на насыпи – с усатым машинистом и мальчишкой.

Локти он поставил на подоконник, а лицо его было скрыто кулаками и подзорной трубой, которую он в этих кулаках держал – приставил ее к глазу.

И когда две трубы сошлись – объектив в объектив – Винцент Аркадьевич понял, что Вовка видит его.

Словно что-то его толкнуло – он качнул пальцы к себе.

Тепло, а на солнце – просто-напросто жарко.

Логичнее всего – напрямик через пустырь.

Она тихонько звенела, и казалось, что звон этот – от жаркого солнечного света.

В спутанных его волосах и на звездно-полосатой рубашке были прошлогодние репьи, на ногах и руках – белые царапины, а на скуластой рожице – нерешительность и ожидание.

Вовка вспрыгнул на плиту в метре от него – как воробушек.

А потом качнул трубу, а в ней – вы.

А тебя – я знаю – Вова Лавочкин.

И – конечно же! – копию картины “Рыбачьи лодки на побережье Сен-Мари”.

Прежде чем сесть к окуляру, Вовка внимательно осмотрел трубу снаружи. Потом – треногу. И наконец – табурет.

Вовка еще раз погладил табурет – с уважением.

Вовка оттопырил губу – молча показал свое отношение к Зинаиде Коноваловой и ее дурацким нежностям.

Иногда за дверью слышалось дыхание и шевеление – Зинуля.

И вдруг – полушепотом

Ни в ресторане, ни на станциях – никакого питья, только липкий персиковый сок, от него еще больше пить хочется.

На соседних путях – поезд, такой же, как наш.

И вдруг вижу – наискосок от меня в окне мальчик.

А потом за окнами – влажная зелень, радуга и уже никакой духоты.

Чего ж нам так – помахать да разъезжаться?

На этот раз – в кроссовках.

И в длинной вязаной безрукавке – по случаю вечерней прохлады.

Винцент Аркадьевич и Вовка перенесли треногу на балкон – через большую, “общую” комнату.

Поймаю на улице – косу выдеру.

Протяжный, горестный – вестник беды.

И вдруг – словно на деревенском дворе, где узнали о несчастье.

Все кинулись к берегу – из дверей, из окон.

Раздвигались молча и виновато. И Винька всем сердцем понял – Глебка.

Винька – в “Ленинскую смену”, а отец – на военные сборы.

Как досадливо сказала мама – “опять загремел в солдаты”.

Не только потому, что расставалась с мужем на полтора месяца (а то и больше – знаем мы это военное начальство!).

Договорилась – и вот, пожалуйста!

Да и прораб Василий Семеныч – хороший знакомый, не подведет.

Вроде бы налаживалась мирная жизнь (хотя и не очень спокойная, как потом узнал Винька: в любой день, в любую ночь могли придти люди в синих фуражках и забрать человека – доказывай тогда, что ты не враг народа).

Но очень скоро – в прифронтовую зону.

Один раз отец был ранен – осколком в плечо, один раз контужен.

Мама отвела его на двор своей конторы, который назывался теперь по-военному – “сборный пункт”.

И стало казаться, что впереди – праздник и приключения.

Витька Жухов с коровьим прозвищем Мума – лагерный старожил и авторитет – сразу углядел в толпе новичков “милого ребенка” в желтых скрипучих сандаликах, в алой сатиновой испанке на аккуратной стрижке, в отглаженной белой рубашечке и вельветовых лямках с перекладинкой на груди.

А тут – будто само собой!

Винька тоже замолотил по врагу – с радостью и облегчением, потому что было не очень больно и совсем уже не страшно.

Прозвища в первый день лепили наскоро – сокращая фамилии.

Рассудили, что кобра – змея грозная и ядовитая, не подступись.

Хоть узлом завязывай – не укусит.

Кроме того, ужи отмечены были желтыми пятнышками, а Глебка – редкими желтыми веснушками.

Почти – потому что однажды вожатая Валя подняла крик: узнала, что ее пионер Глеб Капитанов без спросу ходит к реке.

С рекой шутки были плохи, она – совсем не широкая, но быстрая, вся в упругих струях течения и воронках.

Пацаны из ближней деревни – те купались где угодно, потому что смелые и без нянек-воспитателей.

И вдруг – самовольщик!

А потом не успеешь оглянуться – уже барахтаются по уши в воде!

Другого бы пропесочили на вечерней линейке и дали бы такой строгий выговор, после которого, если еще одно замечание, – сразу домой.

Уши у него были, будто круглые крылышки, шея – тонкая, с желобком, который зарос рыжеватым пухом.

И то, что Винька сказал не “Ужик”, а “Глебка”, и сам его тон – слишком мягкий, даже виноватый.

В эти минуты у витрины собиралась толпа – и ребятишки, и взрослые.

Стоило это железнодорожное чудо триста рублей – сумма для Винькиных родителей непомерная.

В этом заключался некоторый риск – можно было не заметить появления Валентины, которая терпеть не могла ночных шептаний.

Одни – еле заметные, другие поярче.

Потом – и в детстве, и во взрослые годы – Винцент Аркадьевич не раз видел Глебку во сне вот так: он стоит в ночном окне, раскинув руки и упираясь в косяки, а сквозь него просвечивают звезды.

Оказалось, что почти у каждого задание – собрать гербарий.

Но у двоих – у Машки Ресницыной и Валерки Савенко – составить коллекцию местных насекомых.

Когда приутихли, Глебка негромко возразил, что науке тут пользы нет, потому что здешние мотыльки и стрекозы давно изучены, а коллекции эти – только для отметки в школе или вообще просто так.

Валентина строго сказала, что летние задания – это не просто так, а выполнение учебной программы.

И к Ужику чуть-чуть не прилипло новое прозвище – Враг человечества.

Сидел один в палате и об стекло стучал ногтями по всякому – заслушаешься.

Но если оно есть – тем лучше.

А тут – другая крайность.

Получалось вовсе уж беззащитное существо – с тонкой шеей, с руками, будто составленными из лучинок, и с беспомощным лицом – потому что без очков.

Он считал, что очкастый барабанщик – явление совершенно ненормальное.

Но беспомощность пропадала, когда Глебка – слева от знаменосца и его ассистента – выходил на площадку у мачты с флагом.

Так барабанил, что горнист Юрка Протасов (он шел всегда справа от знаменной группы) с каждым разом дул в свою хриплую трубу все тише – чтобы не заглушать веселящий душу марш мелькающих желтых палочек.

Странное такое чувство – будто Глебка шагает впереди атакующего строя и в него вот-вот полетят пули.

С утра же – все снова.

И отчаянный бег до берега – далеко за территорию лагеря, за привычный лягушатник.

Глебка лежал на спине – очень вытянувшийся, с прилипшей ко лбу рыжеватой челкой.

Может, кто-то говорил, кричал опять или плакал – Винька не слышал.

К ним прибиты были дополнительные дощечки (новые, желтые) – чтобы Глебкины голова и ноги не свешивались.

Пожалуй, не столько горе, сколько потерянность и болезненное недоумение – как же так: был Глебка и вдруг нет его?

И пришло ощущение непрочности мира – как в младенчестве, когда разбился шарик...

Начальник лагеря – худой однорукий Платон Андреевич, бывший артиллерист – глухо, с прикашливанием сказал притихшим отрядам.

Ну, сколько же можно говорить, что берег – зона запретная?

Если уйти – это похоже будет на измену.

Иногда Винька вздрагивал, открывал лицо в радостной догадке, что Глебка и правда тут и все, что случилось, – был сон.

Один в больнице, другой – того хуже, третьим быть кому охота?

Да и барабанить он не умел, а учиться поздно – скоро конец смены.

Увидела на крыльце начальника лагеря – и прямо к нему.

Вот... она рассказывает – (И дерг девчонку за руку!) – Была на берегу, значит, с маленьким братом, с Костюшкой двухлетним, да не углядела, тот в воду.

И помочь – толку нету.

А с вашего берега – какой-то мальчонка!

Наверно, с последней силою толкнул бестолкового Костюшку на отмель (и при этом слетели очки), а сам от отдачи – на глубину.

А дужки – длинные и гибкие.

Сперва-то он твердо решил, что отнесет – сразу, как вернется из лагеря.

Он понимал, что самое правильное – пойти на станцию Река и спросить диспетчера Капитанову.

Чуть дальше – грузовые причалы, краны, эстакады, кирпичные башни и водокачки.

(Винька уже потом узнал, что книжка эта – часть большого романа под названием “Братья Карамазовы”).

Вначале это было трудно – приходилось преодолевать суеверное опасение.

И Винька преодолевал – он не хотел, чтобы хоть что-то связанное с Глебкой внушало страх.

От Глебки – только хорошее.

Потом – головку клевера и божью коровку на сухом стебле.

Но и признать, что Глебки нет совсем-совсем – тоже не получалось.

Оглянись – и вот он.

Винька порою даже разговаривал с ним – шепотом или просто мыслями.

В лагере такие были у многих. С их помощью солнечными точками выжигали на сосновых тросточках узоры, а на деревянных лавочках – свои имена.

Если вставить стекла в трубку – будет телескоп.

А сейчас в стеклах был перевернутый буксирный катер – он тянул плоты по середине реки.

В самом деле – получилось бы, что Глебка ушел не совсем, не весь, и частичка его здесь, рядом.

Почему так вышло, что впервые за десять лет появился у него верный друг и сразу – беда!

Глебка молчал – кажется, с согласием.

А очки прицепил на грудь – дужкой за перемычку между лямками.

Самое первое – даже не телескоп.

Попадались там и куски блестящего пластика – синие, малахитовые, лимонные, алые.

А на просторной кухне обитал еще один жилец – паренек шестнадцати лет, Никита, внучатый племянник тети Дуси и тети Кати.

Немного вырученных денег она давала Никите – на кино и на автобус (техникум был далеко, в Заречной слободе).

Остальные брала себе – в уплату за жилье и кормление родственника.

Людмиле, Николаю и Галке хозяйка выделила самую большую комнату, с тремя окнами – одно смотрело в проулок с тропинкой-спуском, два других на двор.

А держалась на многочисленных столбиках, балках и бревнах – они были врыты в косой склон оврага.

Он часто ездил в командировки – проверять, как идут дела в дальних северных угодьях.

Его ограждали поручни – перила из примотанных к столбикам ржавых труб.

На ней то и дело болталось под ветром разноцветное белье – как морские флаги.

И что еще было морского – так это риск.

Когда-нибудь все едино – помирать.

Зарплата у рядового охотоведа так себе, а стипендия студентки-третьекурсницы – совсем кот наплакал.

Зарплата у рядового охотоведа так себе, а стипендия студентки-третьекурсницы – совсем кот наплакал.

Людмила и Николай укладывались на звенящей пружинами кровати за клетчатой занавеской, Галка спала в своей кроватке на колесах, а Винька ложился на полу – между ножками стола и подоконником.

В морозном воздухе разносились паровозные крики – вокзал и товарная станция были недалеко.

Ближе к дому оно смыкалось со щелястым потолком из досок, а со стороны оврага делалось просторным – стоять можно было в полный рост.

Может, Кудрявая в гости придет, они будут сидеть друг против друга и пить чай за перевернутой кадушкой – Винька поставил ее здесь как столик.

Винька визжал – в основном от мыла и слегка от смущенья.

А еще – круглую прямую ножку от сломанного стула. Ножка была – ну прямо готовый шаблон для трубы.

И пристроил заготовку у печной трубы на солнышке – пусть сохнет.

Среди них Эдька Ширяев – можно сказать, приятель.

И опять показалось, что Глебка рядом – вроде бы тоже прилег на кровельные листы, слева от Виньки.

Это отступление от главной истины – плохое, вредное для людей.

В небе стояли белые облака – словно круглый пар от прокатившихся по синеве паровозов.

С помощью этого лекарства выросли до нормальных размеров два лилипута, один – музыкант, а другой – миллионер.

Воспитывали этих солдат очень просто: если подчиняешья – будешь сытый, а капризничаешь – сиди без обеда.

Дяденьку мы слушались —

Хорошо накушались.

Винька выбрался из “каюты” – и вверх, через трубчатую ограду!

И кобура – не плоская, не пустая.

Машину отправил куда надо, а сам – сюда.

Ну… будет – не будет, а истребители всегда нужны.

На лбу – красный след околыша.

По-испански – “камарадо”.

А Винька пришел из школы тоже пострадавший – с крепким синяком под левым глазом .

Винька скользнул глазами от портфеля назад – по линии полета – и сразу понял, чей он.

Валька стояла – маленькая такая, щуплая.

И при этом – бесстрашный. Чуть что – кидался без разбора.

У Виньки была в классе такая кличка – Шуруп.

Размахнулся – и Виньке в глаз!

Винька увидел себя будто со стороны – глазами тех, кто стоял вокруг.

Винька рванул с головы кепчонку и толчком обеих ног бросил себя вперед – головой в нос противника!

В нос не попал, зато губы Пузыря – в лепешку.

Вовчик Махотин дал (на время) старинную трехкопеечную монету – приложить к глазу.

Кто-то протянул Виньке его кепчонку – пыльного “гимнастерочного” цвета, с надломленным козырьком…

Слегка переваливалась, потому что правую ногу ставила криво – набок и носком внутрь.

Да, первоклассники – они люди безжалостные. Увидели, что хромает, значит – “Баба Яга”. А потом, для краткости, – просто “Яг а ”. А Затем уже – “ Я га”.

У Робин Гуда были друзья, и один из них – по прозвищу Малютка Джон.

По взрослому – “брюнет”.

Овраг в этом месте заметно расступался, и внизу стояла мазанка, а рядом – сарайчик, поленница и черные, уже без зелени грядки.

Марина Васильевна такую записку Виньке дала – в обмен на обещание, что он исправит тройку по арифметике хотя бы на четверку.

Многие считали, что он такой и есть – самый обыкновенный, пожарный.

Однако некоторые мальчишки (и Винька среди них) верили, что это – “рында”. Колокол с корабля.

Был слух, что рынду принес сюда Петр Петрович – единственный мужчина среди работников библиотеки, заведующий читальным залом, а в прошлые годы – бывалый моряк.

Только повернуто оно к стене, поэтому никак не узнать – какое?

Подсмотреть было невозможно: колокол висел там, куда заходить не разрешалось – на боковой стенке могучего книжного шкафа, позади похожей на прилавок стойки.

Когда стрелка на старинных восьмиугольных часах – с римскими цифрами и надписью “П.Буре” – доходила до половины седьмого, заведующий бил “первую склянку”.

Без четверти семь – второй сигнал: пора сдавать книги.

А ровно в семь – для тех, кто зачитался или замешкался – частый требовательный трезвон: имейте совесть, друзья!

А то как впишут вам в формуляр замечание – на неделю останетесь без книжек!

И придерживал для него специально томики Дюма – растрепанные, маленькие, напечатанные еще до войны в издательстве “ACADEMIA”. (Иностранный язык в четвертом классе не учили, но латинские буквы Винька знал – папа показал).

Роман “Двадцать лет спустя” был в двух томах, а “Виконт де Бражелон или десять лет спустя” – аж в шести.

Еще и “Слепого музыканта”, и “Чапаева”, и “Человека-амфибию”, и “Пещеру капитана Немо” – это как черноморские мальчишки вредили фашистам.

А читальный зал был просторный, одна его часть – закругленная, с высокими сводчатыми окнами.

Сбросишь валенки, заберешься с ногами в кресло – и головой в книгу.

Он и голос не повышал никогда, и ни разу в жизни Виньку не шлепнул, но если что – как взглянет.

И она на него – так же.

Классы-то рядом, да и вся школа – маленькая, одноэтажная.

Их, малоразличимых, для краткости звали одним именем – Шурилёхи.

Посреди переулка немощеная дорога слегка опускалась – там была длинная впадина.

В те первые дни ноября погода стояла гадкая – то дождь, то снежная крупа.

А утром в Северном переулке – целый океан.

Возили и первоклассников – тех, кто очень просил.

А обратно – ребят из вторых и третьих классов, они шли на вторую смену.

Шурилехи дернули – каждый к себе.

Она вздохнула – кажется, сквозь боль

Была Кудрявая в меховой потертой шапчонке с очень длинными ушами – их можно завязывать на груди.

Стало даже приятно, будто опять лето – от печки тянуло по ногам сухим теплом.

Кудрявая – рядом.

Она опустила голову – тихая такая среди гвалта школьной перемены.

У Виньки была лишняя трешка: он копил деньги на трехцветный фонарик – их иногда продавали в “Электротоварах”.

Дело было рядом с лестницей, а Кудрявая вдруг – мимо.

Погода стояла уже зимняя, и на крутом склоне оврага ребята накатали ледяную полосу – фанерками, сумками, штанами.

Зажмурился – и следом…

О том, что и здесь, оказывается, Кудрявую зовут Ягой; что бежать нельзя – позор хуже смерти; что без драки дело не кончится и надежды никакой…

По крайней мере, среди ребячьего народа – не было.

Да и как отмахаешься, если руки ослабли и внутри от страха – будто безвоздушное пространство?

А от дома тети Дуси до мазанки Зуевых в овраге – рукой подать

В халупе были кухня и комната – низкая, но просторная – с четырьмя кривыми окошками на две стороны.

А еще одна кровать – узкая и простая, как солдатская койка, – была мамина. Некоторые – довольно бойко. Винька и Кудрявая сели в комнате к столу – плести корзинки и мастерить из фольги цепи для елки.

Керосиновая лампа тоже нашлась – на подоконнике.

И стало так беззвучно – до звона в ушах.

Кудрявая стояла рядом – с голыми руками и ногами, в холщовой рубашонке до колен.

Винька понял, что сейчас он как есть – в трусах и майке, даже без валенок – вышибет дверь и с воем помчится через овраг, в безопасный дом к сестре.

Набросил одеяло на Кудрявую и на себя – как шатер.

Он всегда думал – бабушкина.

А когда случалось “нервное” и снова болела нога, Винька чуть ли не на себе доставлял Кудрявую домой, усаживал на кровать, сдергивал с нее чулок и начинал решительно растирать, разминать кривую ступню – этому его тоже научила бабушка Александра Даниловна.

А кудрявая – в шестую, в женскую, на улице Лермонтова.

А после уроков – все равно вместе.

И вот он – их дом. К Виньке эта ясность пришла довольно скоро – когда он, топая по-строевому, запнулся за асфальтовую кочку своей штатской, на босу ногу надетой сандалией и чуть не закопался носом. Но кавардак был – просто страх смотреть.

Стекла – в плямбах грязи и подтеках.

Сейчас тут работали две девушки – Рита и Рая.

А по углам – груды всяких мелких вещей.

Варя – другое дело.

Большеротая, курносая, с круглыми глазками не поймешь какого цвета – то ли серые, то ли зеленые.

Ухватит, положит к себе животом на колени и пальцами – как тупыми ножницами – по волосам.

И струйкой из мячика – по загару, по родинкам!

Винька стрельнул струей еще раз, бросил мячик под забор и – наутек!

Потому что все это – по давнему сценарию.

И зажмурился – будто и правда весь в страхе.

Варя взлетела со ступеней, Винька – кубарем с ее колен.

Встал на четвереньки – и обратно к жуку.

Острые края гильзы Винька вонзил в резину – там, где дырка.

Утром оставила на подоконнике ножи для мясорубки, а вечером прихожу – исчезли.

Так же, как и то, что обязательно надо плюнуть налево (хотя бы мысленно), когда учительница водит по журналу пальцем – кого бы вызвать? – а ты ни бум-бум.

А если запнешься левой ногой – очень просто может случиться неприятность, это известно любому школьнику.

Молитву или заклинание – называйте как угодно.

Петр Первый тоже не всегда побеждал, сперва учился на поражениях – у тех же шведов.

Потому что одно дело обычная темнота, а другое – именно Тьма.

А тут – никому не нужный мячик с крошечной дыркой и с абсолютной чернотой внутри.

Сделай, чтобы все было хорошо – у мамы, у папы, у Люды, у Галки, у Коли.

Новый день был не похож на вчерашний – небо хмурилось.

Ну, не выйдет – и наплевать!

А ты – выдумки!…

Ну, я вышел в коридор, будто домой иду, и – за шкаф

А потом – обратно в читальный зал…

А на рассвете – обратно за шкаф.

А там – хоть веришь, хоть нет, а все равно мороз по коже…

Потом приделал к звезде хвост – из такой же дранки.

Подымая взгляд, Винька увидел старый костюмный жилет, порванную под мышкой серую рубаху, пестрый полураспущенный галстук и наконец – голову незнакомца.

Он и частушки пел про бюрократов и поджигателей войны, и на маленьких гармошках играл (сразу на нескольких), и в акробатических номерах участвовал – вместе со своим приятелем хмурым костлявым дядей Максом.

Этот фокус он видел не раз – в цирке и на том же представлении в “пластмассовом” клубе.

Винька сперва подумал – мальчишка.

И прическа была не ребячья – гладкая, с косым пробором.

А когда сблизились – понял окончательно: не мальчик… а будто герой из романа “Патент АВ”.

Лицо – молодое, но явно взрослое.

А Винька – куда хотел.

Наверняка – нехорошим.

Помог Рите и Рае окончательно расчистить кухню и большую комнату – они готовили квартиру к побелке.

И это было чудесно – почти как в экспедиции.

Бумажки были обычные, из клетчатого тетрадного листа, но на них – размашистая непонятная роспись и круглая печать с блеклым словом “Госфилармония”.

Раньше Винька боялся думать о смерти, а теперь – не очень.

В длинном доме над оврагом все комнаты – кроме крайней, где жила Людмила с семейством – были проходные.

Чтобы не беспокоить других жильцов, инька обычно пользовался окном: прыг – и у себя в комнате! Снова прыг – и на дворе!

Когда Винька спустился к блиндажу, он увидел сквозь рогожный полог желтые проблески – горела свечка

Ложись на мое место, а я – в доме.

Он размотал его – это были два одеяла и жесткая подушечка, которая называется “думка” – с тети Дусиной кровати.

Винька похлестал штанами о забор – выбил из вельветовых бороздок скопившуюся пыль.

Попросил у Людмилы чистую ковбойку – с зашитым плечом, но поглаженную и со всеми пуговицами.

Под сандалии надел синие носочки – и решил, что он “вполне”.

Но можно было подойти и с другого конца – если шагать через рынок.

Посреди площади возвышались павильоны, похожие на ангары для дирижаблей (Винька видел такие в кино) – молочный, мясной и овощной.

Но не все продавцы помещались в павильонах, поэтому снаружи тянулись открытые торговые ряды – длинные, как дощатые тротуары, столы.

Некоторые эти постройки были довольно причудливого вида – теремки и китайские фанзы.

Бывало, что на краю площади раскидывался приехавший откуда-то зверинец – на голом квадрате земли выстраивались клетки с грустным плешивым львом, тощими волками и лисами и с затянутым густой сеткой корытом.

Иногда крикливо пела частушки и шумно топала колхозная самодеятельность – на дощатой эстраде под громадным, нарисованным углем на холсте портретом товарища Сталина.

Оно – в воздухе, в запахах, в пыли, в теплых досках, в рулонах снятых на ночь и свернутых фотодекораций.

Вместо них – существа-тени.

Сперва – вниз, к журчащей Туринке, потом тропинкой вдоль береговых кустов, мимо “хуторка”, где спала и ничего не знала Кудрявая.

Но в этой тьме все чувствовалось удивительно ясно: какие теплые и твердые пальцы у Глебки (он и Винька держались за руки), какой теплый асфальт на Первомайской и какие колючие на нем крошки – Винька шел босиком.

И запах – от бензина исчезнувших куда-то автомобилей и от нагретой за день лебеды…

Здесь кое-где светились неяркие окошки – главным образом в полуподвальных этажах, сквозь цветы и узорчатый чугун палисадников.

А тротуары – из гранитных плит.

Все – в блеске фонарей, прожекторов, синих и желтых огоньков на стрелках.

Винька знал, что материал занавеса называется “саржа” – у мамы из такой же саржи была подкладка на новом пальто.

В отнесенной в сторону руке – снятый цилиндр.

Циммеркнабе развел руки – в ладонях оказался новый цилиндр, небесного цвета.

Но по форме и размеру – в точности такая же

Откинул скатерть – под столом было пусто.

В это время из-за кулис выплыл и приземлился на стол шаровидный самовар – он горел начищенной медью.

За чашкой – блюдце, сахарница, баранки!

И наконец – лохматого рыжего петуха.

В воздухе летали цветные шары и бутылки – невидимка жонглировал ими!

И у Виньки – опять колючки по коже…

К концу июня Зинуля будто подросла – сделалась более рассудительной и менее капризной.

Сперва расскажешь, а потом все это – на бумагу…

Но скоро он съехал с подлокотника, и они с Зинулей оказались рядом – кресло было просторное.

Поглядишь – ну прямо сестрица и братец. Зинуля разыскала в шкафу красно-белую полосатую кофточку – хотя и не со звездами, но все равно немного похожую на Вовкин костюм.

Прихватил аппарат, решил снять подружек у компьютера – вроде как в благодарность семейству Косицких за то, что приглядывают за его внучкой.

А с ней – Вовка!

Но Винцент Аркадьевич поймал момент, когда они опять украдкой встретились взглядами – с промелькнувшими улыбками.

В середине был снимок, где они идут рядышком; слева – где Зинуля замахнулась жирафом, а Вовка дурашливо вжал голову в плечи и закрылся ладонями; справа – где они сидят в кресле спокойно, слушают про Виньку.

А когда он по их приглашению вышел – зажмурился. В глаза ему светили с порога Зинулиной комнаты две яркие настольные лампы.

Винцент Аркадьевич догадался, что “мрак” изготовлен из черного одеяла, которое Вовка притащил из дома, и черных же штор – ими завешивались окна, когда надо было печатать фотографии.

На сцене (то есть в проеме двери) появился артист Владимир Лавочкин – в полосатом халате и в чалме из полотенца.

На табурет вскочила длинноногая плюшевая обезьяна Мокки – любимая Зинулина игрушка.

Она исполнила акробатический этюд, а потом какой-то современный танец – под бряканье и вяканье портативного магнитофона.

О Виньке – забот никаких, все равно он днями и ночами пасется у Людмилы.

Но мама объяснила, что детям туда нельзя – военный объект.

У потолка горела яркая лампочка под эмалированным колпаком – как на уличном столбе.

Винька – на подоконнике открытого окна.

Он оказывался как бы на границе двух пространств: слева – кухня с ее запахами и желтым светом, справа – “палуба”, овраг и закат над темными крышами.

На картине были кремлевские башни, Мавзолей, множество человеческих фигурок, а больше всего – гроздьев ракет с серебристым дымом и широких голубых лучей от прожекторов, которые скрещивались над площадью и собором Василия Блаженного.

Роскошная была картина – шириною чуть не метр и вся такая сверкающая.

Остальные закрывали клетки кто чем – орехами, денежками, пуговицами.

Если закрыл все числа в нижнем ряду – кричи “баста!” и греби деньги с кона.

Если закрыл средний ряд – твоя половина кона.

А если “баста” на верхнем ряду – гляди, чтобы не поколотили.

Щелкнул снова – и нет бочонка.

На обезьяньем личике Ферапонта было полное безразличие, словно речь – о незнакомом.

Расставили бочонки по порядку – в шеренги по десять.

Если их не задевать, не соваться близко – не тронут.

Хочешь исследовать Тьму – дыши ее воздухом, никуда тут не денешься.

Перейдешь, дождешься – и там… ну, непонятно, что там.

Вчетвером – в самый раз.

А со стороны сестрицы – никакого понимания

Под крышкой патефонный круг, а вместо блестящей головки с мембраной – похожий на пластмассовую ложку звукосниматель.

Ковбойка – до колен, а в штаны можно было бы засунуть двух Ферапонтов.

Да, это был он – две тройки!

А здесь – шестигранник.

А над этим шестигранником – острая вершина, самая главная точка.

Это была мятая сатиновая матроска – когда-то синяя, а нынче белесая от многих стирок.

А еще – серые, из похожей на мешковину ткани штаны, которые застегивались на щиколотках, у ботинок.

Первое хорошее дело – пусть забьет гол в матче-реванше со “смоленскими”.

Второй добрый поступок – пускай Ферапонт рано поутру проберется на двор к старой домовладелице Климовне и, как целая тимуровская команда, сложит ее разваленную поленницу.

Третье дело Ферапонт предложил сам: в каком-нибудь сарае или на сеновале он даст представление для юных жителей Зеленой Площадки – тех, кто сейчас собрался здесь.

Первое – подбросить в огород вредного семейства Колуяновых пластмассовую дымовуху. Пожарного риска от нее нет, а вонь будет на весь участок.

Второе – на чьем-нибудь дворе, где сохнет белье, завязать тугими узлами рукава выстиранных рубашек.

А послезавтра будет крик – куда я девался.

Но сердце не выскочило, и он пошел на сеновал – досыпать.

Бегал на бочагу купаться, по-мушкетерски дрался на палках, гонял футбольный мяч – тренировался перед завтрашним матчем.

И не будет знать, что его хитрости с числом тридцать три и пирамидой – псу под хвост!

И, конечно, очень пригодился бы черный костюм – вроде того, что у Нинусь Ромашкиной.

А синяя – вон какая красивая!

Тепло, безветренно, вода – как зеркало.

Кроме того, там стоял застекленный шкаф – между ним и окрашенной в темно-зеленый цвет стеной оставался узкий проём – в нем совсем темно.

Где расположился Глебка – непонятно.

Щелк – погасла лампочка.

И тогда – здрасте, дорогой товарищ Греев!

Он был косо просвечен желтыми лучами – они входили в узкие, с полукруглым верхом окна.

Чтобы все было по правде – страх, сумрак и ночное чтение, нужно дождаться полуночной.

Винька впервые в жизни зашел за стойку – в запретную зону.

Вот когда стемнеет – другое дело.

Эти заведения – только для людей.

А в зале схватить книжку – и опять сюда!

Потом сквозь ужас до него дошло, что это был заваренный отросток на коленчатой трубе отопления – за него иногда зацеплялись и днем.

Хочешь исправить вранье – делай все точно.

Сидел так долго – ничего не случалось.

Но тут же – новая тревога: как выбраться отсюда, если Петр Петрович вздумает провести здесь ночь?

И главное – вошел, но не вышел.

А потом – этакое напряженное дыхание за шкафом.

Домой не пошел, остался в кабинете нашей заведующей. Через час заглянул в зал, а ты спишь на диване – уютно так, будто у себя дома.

Сошлись мы с Рудольфом еще во втором классе – на общих интересах.

Майн-Рид, Жаколио, Стивенсон… А еще —техника!

Тогда аэропланы, мотоциклы, телефоны, кинематограф – все это было в новинку.

А мы в своих коломянковых блузах и поясах с бляхами – словно деревенские рекруты…

Рудольф – тот свою причастность к компании честно отрабатывал.

А я – что?

А главное – не хотел я оставлять Рудольфа.

Экзамены за четвертый класс сданы, лето впереди – бесконечное…

Вся эта Крутовская команда – в соломенных шляпах, в летних костюмчиках с матросскими воротниками, а мы с Рудольфом в своих старых гимназических штанах и блузах-косоворотках, ничего специального для летнего сезона у нас не нашлось…

Не исключено, что какой-то предок Рудольфа – из тех немцев, что приехали в Россию искать счастья еще при Екатерине Великой – действительно был комнатным служкой в чьем-то поместье…

Ранним утром я пришпилил бумагу к столбу веранды – кухонным ножом! – и отправился в Верхний Бор, на пристань…

Он – ко мне и руки растопырил.

Потом прыгнул на ступень и отбил чечетку – с разными ритмами, будто всякие фразы выбивал щелканьем подошв.

В своей брезентовой робе путешественника и с могучими лосиными рогами – таежным трофеем.

Винька поглядел на дырявые свои сандалии, на рубашку с остатками глиняной “маскировки”, шевельнул талией – вокруг живота был обмотан оторванный шкеровоз.

Оказалось, что в халате, который раньше накидывали на Ферапонта, а теперь на Виньку – пружинно-проволочный каркас.

Главное было – не зацепиться за край узкого круглого люка, когда крышка плавно опускает тебя под сцену.

Присевший там дядя Макс подхватывал Виньку и подсаживал в другой люк – под столом с “чайной” коробкой.

Крышка стола подпирала Виньку снизу – это дядя Макс нажимал на длинный бесшумный рычаг.

Было тесно, Винька-то крупнее Ферапонта. Но он приспособился и здесь: надо только съежиться посильнее.

А потом – снова вниз. Под сценой – квадратный лаз в комнатку за кулисами.

Из этой комнатки – наружу, потом к дверям зала.

А я – вот где!

Не надо было отдавать Рудольфу “комету” – это она, будто ключ, открыла дверь бедам и тревогам…

Не надо было оттискивать на себе цифры бочонка – получилась колдовская печать, сам себя заклеймил.

Потому что понимал: теперь-то не верить – уже поздно.

В лагере Валентина читала им рассказы из древней истории, в том числе и про знаменитого царя, который очень просто разделался с хитрым узлом одного мудреца: р-раз по узлу мечом – и нет вопросов.

Вот бы так – р-раз мечом по духу Тьмы!..

И получалось, что дух Тьмы – и внутри Виньки, и где-то снаружи.

Он помнил сон про ночной рынок и про то, что самое черное место – на пустыре за водокачкой.

А уж на рынке-то, в двух кварталах от музея – тем более!

Того, кто шагал через ночь, чтобы сразиться с Тьмою – за себя и за всех, кого он любил.

И опять – густой мрак.

И вот он – пустырь.

И он чуть не заревел, но пружинисто встал в фехтовальную позицию – как киношный Робин Гуд перед решительной схваткой с шерифом Ноттингемским.

А потом – вперед!

Мрак сделался прозрачным, ночь – обыкновенной.

И Винька знал – как.

Будка-водокачка стояла на кирпичном фундаменте, и некоторые кирпичи в нем еле держались – Винька это помнил.

До пристани от рынка было далеко, но до ближнего берега – всего два квартала.

Неподалеку была лестница – она вела к лодочной переправе: днем туда-сюда ходили через реку весельные баркасы.

У того на лбу блестели капельки – отражали лампу зелеными искрами.

А к вечеру – бред.

Вчера оно казалось помолодевшим, а сегодня – такое, как обычно.

На задах у театра было такое место – двор не двор, сквер не сквер – где лежали разбитые гипсовые статуи и старые декорации.

Слух и чувство ритма – это ведь самое главное для того, кто работает на телеграфном ключе, с азбукой Морзе…

Окончил там какие-то курсы – и пожалуйста.

И во всех газетах и по радио начались вопли – о недопустимости ротозейства и необходимости повышать бдительность…

Ну и стали повышать – и в столице, и в провинции.

В свертке была прежняя, “сухопутная” портупея отца, потертая кирзовая кобура и золотистые крылышки со звездочкой – эмблема с фуражки офицера- летчика.

Давняя болезнь карлика Ферапонта, вечная его беда, впиталась в ткань одежды, а из нее – конечно же! – просочилась в Винькин организм!

И главное – как это узнать точно?

Посмотри на себя – одни ноги остались…

Ребячья одежда была на нем – вот она, его собственная.

Потом Винька углубился в соседние переулки – искал добычу.

Поглядывался – нет ли кого по близости?

Заовражный тупик – он не совсем тупик.

И он, не дожидаясь воплей разгневанной хозяйки, ускользнул на соседнюю улицу – Яснополянскую.

В одном из них Винька усмотрел домохозяина по фамилии Закаблукин – лысого, с круглым животом и сизым носом дядьку.

Осталось еще два дела – недоброе и хорошее.

На столике у зеркала Винька взял оклеенную ракушками коробку – в ней было полно всякой дребедени.

Надавил спусковой крючок еще раз – представил, как грохнуло и от трубы полетели кирпичные.

Наверно, есть у настоящего оружия такое свойство – вселять в человека уверенность.

Потому что самое доброе, самое честное дело – если ты ужасно виноват и сам признаёшься в этом.

Но где их найдешь – шпионов или утопающего?

И значит – частичка Тьмы…

А вокруг серых глаз – светлые лучики-морщинки.

Винька понял: это пренебрежение – не к рогатке, а к нему, к сыну…

А еще – с вопросом.

И в этот же миг – теплое такое понимание: “А в самом деле, почему не рассказать-то? Петру Петровичу рассказал, а отцу боишься!

Крылья были – те, которые берег и укреплял для летчиков отец. Звезда – та, на которую любили смотреть Винька и Глебка.

Но он-то – понятное дело, он не был коммунистом.

Что буфет Ивана Тимофеевича оказался рухлядью и отдавать за него четыреста рублей – безумие, лучше добавить еще двести и купить новый.

К тому же, Владик мог обидеться: почему Глебка появляется у Виньки, а у него, у брата – нет…

После восьмого класса – уже не ребятишки, но и совсем еще не взрослые, Винька, Кудрявая и Владик гуляли за городом по лужайкам и перелескам и вышли на железнодорожное полотно.

Присыпали землей – потом здесь вырастет трава.

Правда, они не похожи были на зловещие тени – того же цвета, что и земля.

День был не самый лучший для прогулки – пасмурный, с дыханием близкого дождика.

Винцент Аркадьевич пригляделся и понял – она.

Джинсы были старые – тесные и коротковатые, но уж карманов-то на них хватило бы на полное лото.

А про дальнейшую жизнь – что?

А поскольку Винцент Аркадьевич был человек добросовестный и все дела привык доводить до конца, написал он на всякий случай – заранее! – к воспоминаниям “Тени и шпалы” заключительную главу.

Потом – синюю щель рассвета.

И понимаю, что я опять – Винька.

Теперь – все хорошо.

Мы выходим к широкому, но мелкому ручью – на песчаном дне видны редкие гальки.

И мне известно, что каждая искорка – тоже громадный мир.

Они же – застывшие частички пространства.